

УДК 343.8

С.В. Чубраков**ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОДЛЕЖАЩИЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ,
КАК ЕГО СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ**

Статья посвящена рассмотрению проблемы определения границ отношений, подлежащих уголовно-исполнительному регулированию. В ней обосновывается значимость предмета правового регулирования фактически для любого дальнейшего анализа правовых явлений в соответствующей области, приводятся основные точки зрения на круг отношений, входящих в предмет уголовно-исполнительного права, а также излагается общий подход к установлению параметров (признаков) однородности уголовно-исполнительных отношений.

Ключевые слова: предмет уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительные отношения, уголовно-исполнительное регулирование.

Проблема определения границ общественных отношений, подлежащих правовому регулированию различными группами нормативных предписаний, является одной из наиболее острых и бурно обсуждаемых в правовой науке.

Прежде всего это связано с тем, что в классической (общепризнанной на сегодняшний день) концепции российской теории права именно предмет правового регулирования (как совокупность неких однородных отношений, подвергающихся целенаправленному правовому воздействию) признается главным признаком, отличающим одни отрасли права от других [1. С. 16]. Указанная догматичная позиция нередко подвергается конструктивной критике [2. С. 3–4]. Она основана в первую очередь на том, что современная систематизация российского права на отрасли по кругу регулируемых отношений не отвечает ни требованиям классификации, ни требованиям типологизации, поскольку однородность предмета правового регулирования практически в каждой отрасли устанавливается по более чем одному признаку, перечень которых чуть ли не всегда свой (в трудовом, уголовном, административном праве и в др.). Решение данной проблемы видится либо в поиске иных (новых) подходов к группировке правового материала, либо в реализации единых признаков (параметров) в каждом случае установления однородности соответствующих отношений, объединяемых в предмет регулирования определенной группы нормативных предписаний (в том числе и отрасли права), при традиционной группировке российского права по виду регулируемых им отношений. Последний вариант (представляющий собой по сути типологизацию нормативных предписаний), хоть и не ликвидирует абсолютного «неналожения» предметов ведения различных правовых отраслей (как при классификации, которая в современном российском праве при сохранении общепризнанных отраслей вряд ли возможна), все же позволит в должной степени их упорядочить. Причем потребность выделения и обособления друг

от друга определенных групп общественных отношений будет существовать, по нашему мнению, в любой ситуации (и при поиске новых подходов к систематизации права, и при корректировке существующих). Это необходимо как минимум в целях регламентации их особыми способами и, как следствие, некими специфичными и отличными от иных группами нормативных велений, поскольку постулат о том, что «от характера регулируемых правом общественных отношений зависят особенности самого юридического воздействия» [3. С. 43] очевиден.

Актуальность изучения предмета правового регулирования обусловлена также тем, что он является одной из важнейших системных характеристик самого правового регулирования, представляя собой весьма значимый его элемент, причем выделяемый в качестве такового как при модельном варианте рассмотрения правового регулирования (отвечающем на вопрос, как создается и действует право), так и при содержательном (отвечающем на вопрос, чем действует право). В частности, в первом случае предмет правового регулирования позволяет разработать модельные алгоритмы правильного оформления нормотворцем государственной воли и реализации ее в жизни (т.е. выработать некие зависимые от вида упорядочиваемых отношений «трафареты» по созданию и реализации права), а во втором – позволяет выявить специфику средств воздействия, необходимых и типичных именно для регламентации данных отношений (например, договор для регулирования имущественных отношений, кара – для отношений по реализации уголовных наказаний). Отсутствие ясного представления о таком элементе правового регулирования, как его предмет, будет препятствовать также исследованию его иных системных характеристик, в том числе и его принципов (системообразующих отношений, устанавливаемых между соответствующими элементами).

В полной мере все вышеизложенное касается и сферы реализации мер уголовной ответственности, предопределяя очевидную необходимость установления предмета уголовно-исполнительного регулирования.

Перед непосредственным анализом проблемы общественных отношений, подлежащих воздействию уголовно-исполнительными предписаниями, соотнесем предмет правового регулирования в области реализации мер уголовной ответственности с предметом правотворчества и реализации права в этой области, а также с предметом уголовно-исполнительного права, поскольку все эти обороты используется в научном анализе (и, как правило, без разграничения).

В самом общем виде в каждом из этих случаев речь идет о некоем круге общественных отношений (определенных видах поведения людей и их объединений), в упорядочение которых собирается вмешаться либо вмешивается право. Это влечет взаимосвязанность, взаимопроникновение и отчасти полное совпадение предметов данных правовых явлений.

Так, при широком подходе к пониманию правового регулирования в области реализации мер уголовной ответственности (рассматривающим его не как тождественную категорию реализации права, а как совокупность правотворчества и реализации права [4. С. 47–48, 5. С. 103, и др.]), его предмет будет определяться сложением предметов правотворчества и реализации права в данной области. При этом соотнесение последних позволяет говорить о том, что предмет правотворчества будет поглощаться предметом реализации

права, который, в свою очередь, может быть шире за счет включения в него тех отношений, которые могут регулироваться по аналогии закона или права и которые первоначально в качестве предмета правотворчества не рассматривались. Вместе с тем предмет правотворчества будет являться предопределяющим в целом для правового регулирования: ведь какой круг отношений урегулирован на уровне закрепления моделей в нормативно-правовых актах (т.е. при создании права как совокупности нормативных предписаний), на таком круге право, как правило, и будет реализовываться в дальнейшем.

Что касается предмета правового регулирования в сфере реализации мер уголовной ответственности и предмета уголовно-исполнительного права, то полагаем, что они полностью совпадают. Последний как раз оценивается в качестве определенного круга отношений, подвергающихся целенаправленному воздействию со стороны источников соответствующей отрасли права (как в результате создания нормативных предписаний, так и в результате их добровольной либо принудительной реализации в жизни).

В итоге с учетом тех оговорок, которые касаются правотворчества (а именно тех отношений, которые при правотворчестве по каким-то причинам не были учтены, но в последующем вошли в реализацию права), можно фактически говорить о тождественности предметов как правотворчества в сфере исполнения мер уголовной ответственности и предмета реализации права, так и предмета правового регулирования в этой же области, а также предмета уголовно-исполнительного права.

Непосредственное решение проблемы предмета уголовно-исполнительного регулирования должно сводиться, по сути, к установлению той группы отношений (общепризнанно ныне именуемых уголовно-исполнительными), которая необходима государству для упорядочения в данной сфере. Это означает (при оставлении в стороне общетеоретической проблемы поиска иных подходов к систематизации российского права) необходимость выявления параметров (признаков) однородности данных отношений (в идеале – единых и для установления однородности любой иной группы отношений), которые позволят четко определить их количественно-качественные характеристики, а также очертить их границы для отсекающих всех тех отношений, которые уголовно-исполнительными предписаниями регулироваться не должны.

Следует отметить, что данный вопрос крайне непрост. Подтверждением этому является не только постоянное развитие представлений о предмете уголовно-исполнительного (ранее исправительно-трудового) права [6. С. 10], а также острые дискуссии по предмету регулирования на стадии разработки и обсуждения проектов законодательства об исполнении наказаний в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века (когда фактически ни один из представленных для обсуждения проектов не имел повторения в части количества и качества регулируемых ими общественных отношений) [7–11 и др.], но и то, что современная (после принятия УИК РФ) литература по уголовно-исполнительному праву, к сожалению, ничего определенного по поводу однородности уголовно-исполнительных отношений (позволяющего четко очертить их круг) не содержит. Причем некоторыми исследователями (В.Д. Филимоновым и О.В. Филимоновым) указанная однородность как тако-

вая вообще отрицается, поскольку уголовно-исполнительные отношения рассматриваются в качестве разновидности административных, а уголовно-исполнительное право оценивается как подотрасль административного права [12. С. 7, 285–287]. Соответственно, проблема предмета уголовно-исполнительного права (в части параметров однородности уголовно-исполнительных отношений, отделяющих их от всех иных) актуальна, помимо всего прочего, в свете необходимости определения его как самостоятельной «вещи» (в частности, для установления его объема), в том числе и как самостоятельной отрасли российского права. Отсутствие ясного представления об этом не позволяет также перейти к дальнейшему анализу его элементов (институтов, норм и предписаний) и существующих между ними связей, отношений (принципов).

Обращение к основным изложенным в современной литературе точкам зрения по поводу предмета уголовно-исполнительного права не дает возможности обнаружить единства при его установлении в исследованиях различных авторов. Кроме того, проблемы параметров однородности отношений и их конкретного круга, как правило, либо размыты в высказываниях соответствующих исследователей, либо вообще не акцентированы как проблемы. Так, ряд авторов (в частности, В.И. Селиверстов, В.Д. Филимонов и О.В. Филимонов) круг уголовно-исполнительных отношений определяют исходя из положений ст. 2 УИК РФ [12. С. 246; 13. С. 9–12]. Другие в качестве параметров однородности отношений указывают только на их характер, причем делая это весьма субъективно. Например, С.М. Зубарев и С.И. Курганов однородность предмета уголовно-исполнительного права усматривают в том, что его составляют общественные отношения, возникающие в процессе (и по поводу) исполнения (отбывания) всех видов уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера [14. С. 24–25; 15. С. 11–13]. А.А. Толкаченко также однородность предмета уголовно-исполнительного права характеризует через отношения, возникающие в процессе и по поводу исполнения (отбывания) всех видов уголовных наказаний, добавив к ним и отношения по применению исправительного воздействия [16. С. 3–4, 24]. В.М. Анисимков к предмету уголовно-исполнительного права, помимо отношений в связи с исполнением и отбыванием уголовных наказаний, относит отношения, связанные с ресоциализацией осужденных, отношения в связи с их участием в трудовой, общественной и иной деятельности, а также отношения по постпенитенциарной адаптации освобожденных [17. С. 10–13]. Коллектив авторов учебника по уголовно-исполнительному праву под редакцией С.Я. Лебедева и А.В. Симоненко фактически дословно (без соответствующих ссылок) переписал [18. С. 9] определение уголовно-исполнительных отношений, данное В.А. Уткиным еще до принятия УИК РФ, согласно которому к ним должны быть отнесены отношения, возникающие в процессе, по поводу и в целях исполнения (отбывания) уголовных наказаний и реализации иных мер уголовной ответственности, применения к осужденным некарательных мер воспитательно-предупредительного воздействия и выражающие особенности положения осужденных как лиц, подвергнутых уголовной ответственности [6. С. 15].

В самом общем виде область отношений в этой сфере в силу ее специфики (сфера реализации мер уголовной ответственности) действительно может быть обозначена через указание на их характер – как отношения, возникающие в связи с исполнением (или по поводу исполнения) мер уголовной ответственности. Вместе с тем выделение только такого параметра (признака) без соответствующих уточнений недостаточно для установления четких границ уголовно-исполнительных отношений, поскольку в процессе исполнения мер уголовной ответственности возникает огромное количество связей между различными лицами, далеко не все из которых должны регулироваться правом, а тем более уголовно-исполнительным. Совершенно очевидно, что значительная часть этих отношений подпадает, например, под предмет уголовно-правового регулирования [12. С. 245].

Более того, и действующее уголовно-исполнительное законодательство (в первую очередь УИК РФ) не дает однозначного и исчерпывающего ответа на вопрос о критериях однородности регулируемых им отношений. Так, соответствующие положения ч. 2 ст. 1 и ч. 2 ст. 2 УИК РФ, не отражая указаний на параметры однородности подвергающихся воздействию со стороны нормативных предписаний отношений, идут по пути частичного перечисления отдельных их видов, в результате чего не только не отвечая на вопрос об их круге, но и вступая в противоречие в определенной части с непосредственным дальнейшим содержанием данного акта.

Такая ситуация, по нашему мнению, не может быть признана удовлетворительной.

Как отмечалось выше, решение проблемы предмета правового регулирования в сфере уголовно-исполнительного права должно отвечать на вопросы о необходимых и достаточных признаках (параметрах) однородности уголовно-исполнительных отношений и конкретном количественном круге этих отношений. Соответственно, однородность отношений должна выявляться по четко установленным параметрам, которые в системной интерпретации (при использовании системного подхода, рассматривающего их самостоятельной вещью, системой) должны быть оценены как свойства отличия (свойства, отделяющие данную вещь не от всех иных, а от вещей подобного вида).

Следует отметить, что эти свойства для любой моделируемой системы можно «задавать», а это означает, что потенциально они могут быть самыми разнообразными. Однако в варианте, претендующем на некую методологическую состоятельность, они должны иметь объективные основания (и в идеале должны быть общими для всех иных группировок правового материала по отраслям). Так, совершенно очевидно, что в уголовно-исполнительных отношениях эти параметры должны быть предопределены отводимой уголовно-исполнительному праву ролью, которая обусловлена местом уголовно-исполнительной политики (не имеющей самостоятельного характера и выступающей наряду с уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политикой составной частью уголовной политики [6. С. 7–9]). Последняя призвана реализовывать основные направления государственной деятельности в сфере исполнения назначенных виновным мер уголовной ответственности. Это означает, что в качестве параметров однородности регулируемых уголовно-исполнительным правом отношений могут выступать в том числе:

- субъектный состав отношений;
- период (временной промежуток) их существования;
- характер отношений (определяемый прежде всего их объектом).

Не ставя перед собой сейчас задачи проанализировать отмеченные выше параметры однородности с целью установления их содержания (поскольку это отдельная большая тема), остановимся лишь на очевидных проблемах, без которых в дальнейшем их детальной характеристики дать не получится.

Если говорить о субъектном составе уголовно-исполнительных отношений, то первый вопрос будет касаться того, являются ли осужденный и государство основными или же единственными участниками уголовно-исполнительных отношений. Обоснование последнего акцентирует внимание на том, что положения действующего уголовно-исполнительного законодательства регламентируют значительное количество отношений, не соответствующих утверждаемому субъектному составу (например, отношения по контролю за деятельностью учреждений, исполняющих уголовные наказания, отношения по организации исполнения отдельных мер уголовной ответственности и др.). Это порождает резонную проблему – все ли из них не являются уголовно-исполнительными отношениями по природе и должны ли подлежать исключению из сферы правового регулирования в данной области, либо их часть при определенной оговорке и при соблюдении неких условий может быть отнесена к предмету уголовно-исполнительного права (например, при делегировании полномочий государства по исполнению мер уголовной ответственности иным субъектам).

При оценке временного параметра существования уголовно-исполнительных отношений внимания требует само обоснование его границ. В частности, нужно ответить на вопросы, почему эти отношения должны начинаться именно с момента вступления обвинительного решения суда в законную силу, а не раньше, и почему данные отношения должны заканчиваться по общему правилу с момента отбытия, исполнения меры уголовной ответственности, а, например, не с момента погашения или снятия судимости.

Наибольшее количество вопросов порождает последний параметр, увязанный с характером уголовно-исполнительных отношений. Представляется, что этот параметр можно развести на две части – качественную и количественную. Первая должна предопределять те сущностные признаки (свойства), которые позволят считать какие-то отношения схожими (однородными), а вторая – должна указывать на конкретный перечень таких отношений, привязываясь к чему-либо точно исчисляемому, в частности к перечню мер уголовной ответственности (сколько видов данных мер – столько и видов отношений по их исполнению).

Качественная сторона при этом требует решения такой проблемы, как сужение по объективным границам слишком широкого определения «по поводу исполнения (или в связи с исполнением) мер уголовной ответственности», в частности поиска объективных оснований объединения определенных отношений в одну группу и конкретизации их видов, ясно определяющих их круг как при реализации наказаний, так и при реализации иных мер уголовно-правового характера.

Количественная же сторона обращена в первую очередь к ответу на вопрос по поводу форм реализации уголовной ответственности и конкретного перечня иных мер уголовно-правового характера, который достаточно активно обсуждается в последнее время в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

Анализ указанных выше проблем параметров однородности уголовно-исполнительных отношений позволит более четко определить, какие отношения должны входить в предмет правового регулирования уголовно-исполнительных предписаний и, соответственно, в предмет уголовно-исполнительного права.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Отрасли советского права: проблемы, исходные положения // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 15–23.
2. *Лебедев В.М.* Лекции по трудовому праву России. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 64 с.
3. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права (курс лекций): учеб. пособие. Вып. 1. Свердловск, 1963. 264 с.
4. *Зинченко С.А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. М.: Волтерс Клувер, 2007. 152 с.
5. *Ходукин Д.В.* Юридические предписания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. 195 с.
6. *Уткин В.А.* Курс лекций по уголовно-исполнительному праву: Общая часть. Томск, 1995. 91 с.
7. *Зубков А.И., Селиверстов В.И.* Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Альтернативный проект. Рязань, 1990. 43 с.
8. *Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик.* Проект // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 93–119.
9. *Уголовно-исполнительный кодекс РСФСР.* Проект, подготовленный по поручению комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству авторским коллективом под руководством А.Ф. Бира [Машинописный вариант]. М., 1991. 86 с.
10. *Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.* Проект // Реформа уголовно-исполнительной системы и ее правовое обеспечение: сборник научных трудов. М.: НИИ МВД РФ, 1993. С. 78–125.
11. *Исправительно-трудовой (уголовно-исполнительный) кодекс Российской Федерации.* Проект, подготовленный авторским коллективом под руководством В.А. Уткина [Машинописный вариант]. Томск, 1992. 264 с.
12. *Филимонов В.Д., Филимонов О.В.* Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
13. *Уголовно-исполнительное право: учеб. для юрид. вузов / под ред. В.И. Селиверстова.* 7-е изд., испр. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 352 с.
14. *Уголовно-исполнительное право: учеб. для вузов / под ред. А.С. Михлина.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2008. 422 с.
15. *Бриллиантов А.В., Курганов С.И.* Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учеб. М.: ТК Велби: Проспект, 2007. 344 с.
16. *Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учеб. для вузов / под ред. М.К. Кислицына.* М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 272 с.
17. *Уголовно-исполнительное право / под ред. В.М. Анисимкова, В.И. Селиверстова.* Ростов н/Д: Феникс, 2008. 413 с.
18. *Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева, А.В. Симоненко.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 231 с.